

Ф. ДАН

Руководство к руководству

(«Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции)

О сборнике «Вехи» уже много писали, и почти все писавшие подчеркивали, какую беспримерную теоретическую неряшливость, если не прямую недобросовестность, обнаружили авторы сборника в своем произведении. Мы не будем останавливаться на этой литературно-теоретической стороне дела. Слишком очевидно противоречие отдельных авторов не только в характеристике «интеллигенции», но даже и в определении того, что такое интеллигенция, которую они старались критиковать. Слишком очевидна и та манера плохих газетных фельетонистов, которую они пустили в ход, путая годы, эпохи, поколения, произвольно отбирая одни черты «интеллигенции» и отменяя другие, вырывая эти черты из их общей связи и исторической обусловленности, предъявляя их читателю без прошлого и без будущего, выдавая *часть* правды за *всю* правду и тем обращая в *ложь* и те крупницы истины, которые содержатся в их характеристике умственного и психологического склада кружковой интеллигенции, отождествляемой ими с «интеллигенцией» вообще. Слишком очевидно, наконец, что причину всеобщего «нежелания» («неспособности» — скромно заявляет смиренный Николай Бердяев!) критиковать «Вехи» «по существу» является отсутствие в сборнике сколько-нибудь серьезного «существа», кроме плохого публицистического памфлета. Нельзя же требовать от критики, чтобы она исписывала груды бумаги для распутывания клубка ребяческих софизмов, которые и без того очевидны, или для опровержения их «мыслей», которым отроду тысяча лет и которые уже тысячу раз были опровергнуты! Не может русская литература вернуться в первобытное состояние — к «простой, грубой, но безусловно здоровой и питательной пище» в виде «Моисеева десятословия» (С. Булгаков)

по той только причине, что такое «опрошение» понадобилось гг. Струве и К° для «теоретического» обоснования своей новой политической позиции!

В выяснении этой политической позиции и обращенном к интеллигенции призыве встать на нее и заключается настоящее содержание сборника, который совершенно напрасно носит подзаголовок «Сборник статей о русской интеллигенции». В этой же позиции — единство сборника вопреки всем бросающимся в глаза противоречиям и путанице. В ней же, наконец, и интерес «Вех», поскольку она не только характеризует новый этап в развитии известной группы писателей, но и является одним из симптомов общего кризиса, переживаемого русской общественностью.

Общей политической позицией, «общей платформой» авторов сборника «является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства». В такой общей формулировке «платформа» эта не только не оригинальна и не нова, но, можно сказать, идея «личного совершенствования» и «личного подвига» в качестве основной, первичной задачи и во всем мире, и у нас, в России, выдвигается с правильностью закона природы каждый раз, когда терпит крушение то или иное сколько-нибудь широкое общественное движение, направленное на завоевание новых «начал политического (или социального) порядка».

Еще в XVII и XVIII веках под влиянием указанной выше причины эта идея возникала в мистико-сектантской оболочке в различных слоях то дворянства, то крестьянства. В философско-эстетической форме она выдвинулась в конце 20-х годов под влиянием крушения декабристов и надолго окрасила собою умственные и литературные течения русского общества. Наконец, и 80-е годы, эпоха краха народолюбчества, увидела расцвет той же идеи в этически-религиозной форме толстовства и психологически родственных ему течений.

Точно так же не ново и то сочетание «личного совершенствования» с «культурной работой», которое выдвигают авторы «Вех». В такой общей форме опять-таки «культурничество» всегда сочеталось с проповедью «личного совершенствования». Достаточно напомнить, что на путь «культурничества» вступили и обличаемые авторами «народники» в 70-е годы. И это

«культурничество» было внутренне, психологически связано с толстовской проповедью «личного совершенствования».

Наконец, не ново и то, что на практике проповедь «личного совершенствования» сводится к санкции «существующего порядка», каков бы он ни был, со всеми его безобразиями, к отказу от систематической и продуманной политической и социальной борьбы, к безыдейному и беспринципному отношению к политическим и социальным вопросам. Ибо эти вопросы сваливаются в кучу безразличного «прочего», которое «приложится» к «царству Божию», пребывающему «внутри нас». И г. С. Булгаков, напр<имер>, не прибавляет ни одной новой черточки к общему смыслу культа «личного подвига», когда рекомендует в качестве «истинного подвижничества» — «верное исполнение своего долга, несение каждым своего креста... с предоставлением всего остального Промыслу; или когда он же рисует идиллическую картину «светского послушания»: «врач и инженер, профессор и политический деятель, фабрикант и его рабочий одинаково при исполнении своих обязанностей могут руководствоваться не своим личным интересом, духовным или материальным, — все равно, но совестью, велением долга нести послушание». Можно пожалеть, что г. Булгаков струсил и недостаточно расширил список перечисленных им профессий: всякое классовое общество, а уж тем паче современная Россия могли бы дать ему случай существенно обогатить свою коллекцию «подвижников». Но нельзя не видеть, что и в такой формулировке, в этой сдобренной постным маслом «одинаковости» отношения к различным «обязанностям», в сваливании в одну кучу «интересов» материальных и духовных и отделении «совести» даже от «духовных» интересов, мы имеем дело с трусливо-лицемерным пересказом того же апологетического провозглашения «разумности всего действительного», которое допустил в известный период своего развития и которым впоследствии терзался Белинский, или — применительно к русским условиям — тоже «апологии» (оправдания) «татарщины», которую прозревший Белинский так сильно бичевал в гоголевской «Переписке с друзьями»¹.

Но что безусловно ново для России, так это то содержание, которое вкладывается авторами «Вех» в «идеал» личности и которое свидетельствует о глубоком изменении социального уклада России по сравнению с предыдущими эпохами расцвета культа «личного подвига». Впервые «идеалом» личности провозглашается откровенно *буржуазная* личность, «идеалом» культуры — откровенно *буржуазная* культура, а образцом «гар-

монию» — «западноевропейский буржуа»: ибо, хотя он «несомненно беднее русского интеллигента нравственными идеями, но зато его идеи немногим превышают его эмоциональный строй, а главное, он живет сравнительно цельной душевной жизнью». Более того: его «эгоизм», самоутверждение — великая сила; именно он делает западную буржуазию *бессознательным* орудием Божьего дела на земле!» (М. Гершензон). Прибавить к этим словам нечего. В них уже заключается вся та откровенно мещанская «идеология» с ее представлениями о «национальности» и «государственности», которая воспевается на все лады и в разных сочетаниях всеми семью авторами «Вех». В сознательном приспособлении себя к ней состоит задача «личного подвига», к которому призывается интеллигенция; в ней — в этой морально «бедной», но зато уравновешенной «душевной жизни» западноевропейского буржуа — закон и пророки, в ней — успокоение «мятущейся» души русского интеллигента, тот «синтез знания и веры», который, по словам г. Н. Бердяева, удовлетворяет «положительную ценную потребность в органическом соединении теории и практики».

До сих пор между русскою буржуазною практикою и «теориею» был разрыв. «Интеллигенция» писала и читала книги, жила по книгам; счастливые русские подражатели «западноевропейской буржуазии» сеяли капусту, разводили кур и занимались вообще «созиданием богатства». «Сеять капусту полезнее, чем писать книги!» — провозгласил писатель Петр Струве, и, оказалось, нашел целую группу последователей. Сейте же капусту! Разводите кур! А в поучение мы вам дадим новейшее «руководство к куроводству» в виде 210 страниц сборника «Вехи». Вот смысл «выступления» гг. Струве и К°.

Но, скажут нам, мы пропустили одну очень важную черту «мещанской проповеди сборника — ее религиозность». Черта действительно очень важная, и к ней нужно присмотреться. Вот, например, г. Булгаков. Он обличает в интеллигенции ту «черту, что ей остается психологически чуждым — хотя, впрочем, может быть, только пока — прочно сложившийся «мещанский» уклад жизни Зап<адной> Европы, с его повседневными добродетелями, с его трудовым интенсивным хозяйством, но и с его бескрылостью, ограниченностью («цельностью душевной жизни» — по г. Гершензону). Но г. Булгаков не только обличает, он — в противоположность непреклонным гг. Струве и Франку — допускает и некоторые «смягчающие вину обстоятельства», высказывая мнение, что тут «есть, несомненно, и некоторая, впрочем, может быть, и не столь большая доза бес-

сознательно-религиозного отворачивания к духовному мещанству, к «царству от мира сего», с его успокоенным самодовольством.

Точно так же и г. Н. Бердяев не согласен удовлетвориться простым перениманием западноевропейской истины. Хоть это и не вяжется с его обличениями «утилитарно-морального критерия» в искании «истин», но мы уже видели, что у него есть по этой части вполне определенные «положительно ценные потребности», ради удовлетворения которых необходим «синтез знания и *веры*». Эта же потребность заставляет его даже в области философии искать не просто «истины», а непременно «национальной философской традиции», которая «не может же создаться вокруг Когена, Виндельбанда или другого какого-нибудь немца, чуждого русской душе». И г. Бердяев выхваляет «русскую философию» «начиная с Хомякова», в которой есть «что-то своеобразное» и которая переходит «к мистическому восполнению разума европейской философии, потерявшего живое бытие».

Не станем останавливаться на нелепом противопоставлении славянофильской «русской философии» философии «немцев», ибо всякому знакомому хоть сколько-нибудь с историей умственного развития славянофилов ведомо, что свою «философию», со включением мистических элементов ее, они черпали у таких же «немцев», как Коген и Виндельбанд², — главным образом, у Шеллинга. Но сейчас нас интересует лишь тот несомненный факт, что г. Бердяев считает необходимым «мистическое восполнение» западноевропейской буржуазной философии. «В интересах русской культуры» он требует «философской объективации и нормировки» «русской мистики, по существу своему очень ценной». И то же требование привлечения «религиозности», в той или иной форме, — в западноевропейскую «мещанскую» идеологию предъясняется всеми участниками «Вех»*. Мы видели, что г. Гершензон прямо окружает ореолом «орудия Божьей воли» современную буржуазию.

Про немцев конца XVIII и начала XIX века было уже давно и справедливо сказано, что им суждено было лишь философски переживать тот процесс буржуазного освобождения и перерождения, который их счастливая соседка, Франция, переживала на практике. И чем большее расстояние отделяло германскую

* Некоторое исключение представляет, быть может, г. Гучков³, трезво-ренегатский «идеализм» которого не нуждается ни в каком «мистическом восполнении».

действительность от французской практики, тем на больших теоретических высотах протекали немецкие переживания этой практики. Еще дальше (не в смысле времени, а в смысле обширности задач, стоящих на пути) стоит, очевидно, воплощение «идеалов» авторов «Вех», если даже философского «разума» оказалось мало для теоретического переживания практики западноевропейского «мещанского» уклада, и пока добилось «мистическое восполнение» этого разума!

В самом деле, несомненно, что в эпоху политической реакции и общественного застоя в России происходит процесс глубокого социального преобразования, процесс создания буржуазных социальных отношений. И, в частности, по отношению к интеллигенции, несомненно, что как мы говорили уже в другом месте *, «интеллигенция стоит *на рубеже*, и новый пласт ее готовится покинуть чужие берега и войти в родную стихию», в *буржуазную* стихию. Но точно так же несомненно, что на пути к завершению этих процессов, их откровенно трезвому признанию за последнее слово «мирового порядка», стоит та самая задача интенсивной борьбы за приспособление «внешних форм общежития», «начал политического порядка» к складывающемуся социальному «порядку», который отрицают авторы «Вех». Но, отрицая эту задачу, нетерпеливо желая перескочить через нее в царство своего «идеала», авторы сборника вынуждены из области практики перескочить в область мистики и, только что выставив ясное и определенное положение: «чтобы созидать богатство, нужно любить его», сейчас же обескровливать его «мистическим восполнением», гласящим, что «метафизическая идея (!) богатства совпадает с идеей культуры, как совокупности идеальных ценностей, воплощаемых в исторической жизни». В этом «религиозном» обосновании такого прозаического занятия, как «сажание капусты», — признак полного внутреннего бессилия проповеди «Вех», заранее осуждающего ее на неудачу.

Русские социальные отношения достаточно зрелы для расцвета куроводства, и в русской интеллигенции накопилось уже достаточно элементов для создания куроводческой идеологии. Но пока на пути к расцвету куроводства стоит необходимость построить хоть сколько-нибудь подходящий курятник. Пока он не построен, проповедь *неприкрытого* «мещанского» идеала останется безуспешной и идеал этот будет непременно расцве-

* Сборник «На рубеже». Ст<атья> «Герои ликвидации».

чиваться романтическими и «героическими», хотя и не «социалистическими», как до сих пор, цветами.

Да ведь и на самом деле, сколько-нибудь безубыточное занятие куроводством в современной русской обстановке является идеалом немногих счастливых, сумевших зацепиться корнями за «старую» Россию. Остальным, и в том числе в первую голову — интеллигенции, и авторы «Вех» могут рекомендовать не столько занятия куроводством, сколько не мешать «нести свой крест» и обожествлять ту «религиозную идею», которая заключена в золотом тельце (или — по русским убогим условиям — кочане капусты), воздвигаемом счастливыми огородниками и куроводами. Но если авторы «Вех» никого за собой не поведут, не поведут даже тех, кто уже внутренне вполне созрел для «положительной» роли в буржуазном обществе и его рамками готов ограничить свою борьбу за «освобождение», то это не значит, что авторы «Вех» не найдут себе публики. Да три издания их сборника в сравнительно короткий промежуток времени свидетельствуют, что эту публику они уже нашли. Но нашли они ее не в интеллигенции, к которой обращаются, а в тех слоях русского общества, которые уже задолго до них приглашали всех и каждого заняться «созиданием богатств» в современных русских «внешних условиях общежития» — одни с блудливым предвкушением новой порции жирной добычи, которая попадет при этом в их паразитические руки, другие — с бесстыдной, но вместе с тем и наивною надеждою, что при всеобщем разложении, подавленности и «смирении» им удастся достаточно позолотить выпавший в их личную долю «крест», незаметно обойдя своих паразитических конкурентов и так же незаметно вынув из их рук золото и власть. Вот почему — не случайность, что «почитатели» «Вех» обведены тем же тесным кругом, в котором заключены все столпы третьеиюньского режима, и что их «приветствовали» все герои этого режима — от епископа Антония Волынского с почаевскими монахами до органа г. Гучкова⁴. «Вехи» не творят «духовно-реформаторскую» работу, как думают их авторы, и не ведут никого вперед. Но они дают своего рода запоздалое «идейное» знамя всей третьеиюньской кампании. Запоздалое — потому что оно выкидывается как раз тогда, когда в третьеиюньском блоке замечаются уже явные признаки разложения.

Около десяти лет тому назад гг. Струве и К°, в сборнике «Проблемы идеализма», отрекались от социализма и переходили к демократии. Теперь, прихватив еще пару перебежчиков, они отряхают с ног своих и прах демократии со свойственным

ей «народолюбием». Они — как резюмирует, и верно резюмирует, политическую мысль «Вех» их поклонник кн. Евг. Трубецкой — провозглашают: «Необходимо признать, что существуют начала нравственные и правовые, которые обладают всеобщей и безусловной ценностью независимо от того, полезны или вредны они большинству, согласны или не согласны они с его волей». Но авторы сборника идут еще дальше. Они не только считают аксиомой, что «бунт шутов» не может дать «ничего» и что задача «шутов» заключается лишь в том, чтобы не мешать «консервативным общественным силам» (П. Струве), но они отрекаются и от либерализма как политической партии. Ибо как политическая партия и либерализм должен ставить во главу угла «внешние условия общежития». Не исторически и относительно прогрессивную силу либерализма, а его внутреннюю слабость и дряблость схватывают господина Струве, Бердяевы и пр. Не момент наступательной борьбы либерализма за существование, а момент его шкурного страха, ренегатства, отказа от своих собственных задач, пасования перед силами «старого порядка», не самоутверждение либерализма, а самоотрицание его увековечивают они как «абсолютную ценность». Словом, не идеологию всесторонне самоопределяющегося либерализма, а «идеологию» «совета съездов промышленников» и московских совещаний «миллионеров» возводят они в ранг «религии» — «идеологию» тех зачаточных организаций, в которых крупная русская буржуазия делает *первые* шаги к политическому самоопределению в условиях полного торжества реакции над революцией. Сделает она второй шаг — и тогда даже для нее окажется слишком отсталым идейное «знамя», выкинутое литературной группой с г. Струве во главе.

Ну что же? Г. Струве еще раз перевернется — не впервой! — а его подручные литературные молодцы придумают кучу новых «вечных истин», «абсолютных ценностей», «незыблемых устоев», «религиозных идей» и прочего скоропортящегося товара. А пока — не взыщите! «По условиям момента» в качестве нового евангелия «чуткий» г. Струве может предложить лишь свое «руководство к куроводству». Пицца, безусловно, «грубая и простая».

(*Возрождение. 1909. № 9. 12 (25) сентября. С. 79—90*)

